

Научная статья
УДК 343.1
doi: 10.17223/15617793/476/29

Особенности мотивировки и обжалования приговора в части применения заключения под стражу

Владислав Александрович Филатьев^{1, 2}

¹Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия
²Адвокатское бюро «Филатьев, Уваров и партнеры», Калининград, Россия
^{1, 2}vlad_filatyev@mail.ru

Аннотация. Обосновывается, что заключение подсудимого под стражу при постановлении приговора, когда судом не выявлены фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость применения этой меры пресечения независимо от установления события преступления, виновности в его совершении и назначения наказания, нарушает принцип презумпции невиновности. Запрет ее самостоятельного обжалования, если рассмотрение приводимых стороной доводов возможно без проверки приговора, ограничивает право на судебную защиту.

Ключевые слова: презумпция невиновности, избрание меры пресечения, постановление приговора, заключение под стражу при вынесении приговора, взятие под стражу в зале суда, самостоятельное обжалование.

Для цитирования: Филатьев В.А. Особенности мотивировки и обжалования приговора в части применения заключения под стражу // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 268–277. doi: 10.17223/15617793/476/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/29

Features of the motivation and appeal of a sentence in part of applying remand in custody

Vladislav A. Filatyev^{1, 2}

¹Russian State University Of Justice, Moscow, Russian Federation
²Filatyev, Uvarov, and Partners Law Office, Kaliningrad, Russian Federation
^{1, 2}vlad_filatyev@mail.ru

Abstract. The study aims to (1) determine whether it is legitimate to choose a custodial measure of restraint to ensure the execution of the penalty of imprisonment under a sentence that has not entered into legal force and (2) assess, from the perspective of the principle of completeness and effectiveness of judicial protection, the possibility of appeal against the measure of restraint separately from the sentence. To reach the aim, constitutional legal and comparative legal approaches to the study of criminal procedural regulation and practice of its application were used. The author analyzed materials of criminal cases that ended with a sentence with a measure of restraint, including those subsequently appealed, conducted a survey and interviews with judges, used personal experience as a defense lawyer and representative of applicants in preparing and filing complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation. As a result, the author found that the courts regard a guilty sentence with a sentence of real imprisonment as sufficient grounds for remanding a defendant in custody. Differences with the practice of several countries in Western Europe, in which persons convicted to imprisonment who are not in custody independently follow to the place of serving their sentence, were established. The author shows that the Russian practice of the “automatic” remanding in custody of a convicted person under the sentence which has not come into legal force contradicts the principle of presumption of innocence. It is recommended that in such cases the necessity for remanding in custody be assessed with due regard to the factor of the convicted person’s evasion of punishment. The author demonstrates that the law does not provide a mechanism allowing the court to draw a reliable conclusion about a significant increase – in connection with the sentence – in the risk of evasion and to motivate its decision on the issue of the measure of restraint. The very possibility of creating such a mechanism is questioned. The author gives a critical assessment of the legal positions of the Constitutional Court of Russian Federation which do not allow to appeal the custodial measure of restraint separately from the sentence. The author concludes that the arguments given in the complaint on the measure of restraint, which are not related to challenging the sentence, can be considered by the court of appeal without delay. Proposals on the need to adjust the current legislation and law enforcement practice are formulated.

Keywords: presumption of innocence, selection of preventive measure, sentencing, detention at sentencing, taking into custody in courtroom, independent appealing

For citation: Filatyev, V.A. (2022) Features of the motivation and appeal of a sentence in part of applying remand in custody. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 268–277. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/29

При вынесении приговора суд решает вопрос о том, следует ли отменить или изменить меру пресечения в отношении подсудимого в целях обеспечения исполнения назначенного наказания, в связи с чем в его резолютивной части должно быть указано решение о мере пресечения до вступления приговора в законную силу (ч. 2 ст. 97, п. 17 ч. 1 ст. 299 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ). В случае назначения лицу, находящемуся на свободе, наказания в виде лишения свободы суд, как правило, избирает в его отношении меру пресечения в виде заключения под стражу. Распоряжение об этом уточняется указанием на необходимость взятия подсудимого под стражу в зале суда.

Полагая, что имеются основания для отмены решения о мере пресечения, сторона защиты предпринимает меры к его апелляционному обжалованию. Однако добиться освобождения осужденного до завершения рассмотрения дела вышестоящим судом невозможно. Единичные случаи, в которых заключение под стражу было пересмотрено, нельзя принимать во внимание ввиду их исключительности.

Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека еще в 2018 г. выразил озабоченность сложившимся положением и подготовил предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся применения меры пресечения в виде заключения под стражу до вступления приговора в законную силу. Но эта инициатива поддержана не была¹ – правоохранительные органы представили на нее отрицательные отзывы, а Верховный Суд РФ указал, что предложение о целесообразности корректировки существующей практики будет принято во внимание в ходе дальнейшей работы. Прошло уже три года, но в данном отношении ничего не изменилось. В связи с этим возникает вопрос о самом существовании проблемы.

Поскольку заключение под стражу применяется судом практически ко всем лицам, осужденным к реальному лишению свободы, может возникнуть уверенность в том, что суды исходят из презумпции их недобросовестности. Но ведь любому гражданину, имеющему представление о презумпции невиновности, закрепленной в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, очевидно, что для применения презумпции недобросовестности нет оснований «уже потому, что обвиняемый после вынесения приговора хотя и именуется осужденным, виновным еще не признан» [1. С. 23]. Как верно отмечает К.Б. Калиновский, «презумпция невиновности ограничивает применение мер пресечения в целях обеспечения исполнения приговора. Меры пресечения обеспечивают исполнение приговора, который еще не вступил в законную силу (апелляция, кассация) или которого еще не существует (предвари-

тельное расследование, предание суду). Поэтому и сам приговор, и наказание еще являются предметом спора сторон, они еще вероятны, сомнительны. Такие сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого» [2. С. 194].

Практика «автоматического» заключения под стражу как пережиток советского прошлого представляет собой нерешенную проблему постольку, поскольку вызывает у подсудимого, поддерживающих позицию о необоснованности его осуждения граждан и сторонних наблюдателей чувство несправедливости из-за откровенно преждевременного применения судом мер государственного принуждения, а также фактически приводит к несправедливости в том случае, если под стражей оказывается лицо, невиновность которого устанавливается впоследствии. Отзывы властей, о которых упоминалось выше, по нашему мнению, служат прямым свидетельством того, что проявления инициативы в изменении ситуации от них ожидать не следует. Учитывая высокую вероятность вступления в силу вынесенного приговора и, соответственно, ничтожно малую по статистике вероятность судебной ошибки, сложившийся порядок их вполне устраивает. Особенности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения в свете позиций Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека учеными уделяется повышенное внимание². Вместе с тем рассматриваемый нами аспект применения мер пресечения в науке исследован недостаточно. Мы попытались системно проанализировать правовое регулирование в целях отыскания в нем дефектов и определения способов их устранения юридическими средствами. В результате были выявлены две основные причины, одна из которых обуславливает существование проблемы – это неограниченное усмотрение суда при мотивировании заключения под стражу одновременно с постановлением приговора, а другая тому способствует – правовая позиция Конституционного Суда РФ о недопустимости самостоятельного обжалования этой меры пресечения, о чем будет сказано дальнейшее.

Практика избрания заключения под стражу при постановлении приговора

Основания для заключения под стражу лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, определяются ч. 1 ст. 97 УПК РФ, из которой следует, что данная мера пресечения применяется в его отношении при наличии достаточных оснований полагать, что оно скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участ-

никам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. В силу ч. 2 ст. 97 УПК РФ мера пресечения может избираться для обеспечения исполнения приговора. Согласно ст. 99 УПК РФ при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и определения ее вида при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 настоящего Кодекса, должны учитываться также тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Частью 1 ст. 110 УПК РФ предусмотрено, что мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 и 99 настоящего Кодекса.

Как разъяснил Конституционный Суд РФ в Определении от 18 июля 2017 г. № 1541-О, положения ч. 2 ст. 97 УПК РФ, допуская в системе уголовно-процессуального регулирования избрание в целях обеспечения исполнения наказания меры пресечения до вступления приговора в законную силу, действуют с учетом предусмотренных ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ ограничений на применение меры пресечения в виде заключения под стражу. Указанная статья устанавливает особый порядок направления осужденных в колонию-поселение, что обусловлено его самостоятельным следованием к месту отбывания наказания за счет государства, а также определяет, что осужденный может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 УИК РФ, в случаях уклонения его от следствия или суда, нарушения им меры пресечения или отсутствия у него постоянного места жительства на территории Российской Федерации. Выявление судом хотя бы одного из названных обстоятельств может давать достаточные основания для избрания этой меры пресечения.

Таким образом, установив в качестве правила, что в целях обеспечения исполнения приговора суд одновременно с его постановлением вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию, федеральный законодатель предусмотрел исключение из данного правила, согласно которому при осуждении подсудимого к лишению свободы в колонии-поселении оно действует с учетом вышеперечисленных ограничений.

Аналогичные ограничения применения меры пресечения предусмотрены для осужденного за совершение им преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены чле-

ном органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также ч. 5–7 ст. 159, ст. 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ).

Применяя к подсудимому при вынесении приговора такую меру пресечения, как заключение под стражу, суд наряду с перечисленными в ст. 99 УПК РФ обстоятельствами, перечень которых является открытым, учитывает результаты судебного следствия и прений сторон, в которых они имеют возможность высказать свое мнение по всем вопросам, подлежащим разрешению в приговоре. Установленные в состязательном процессе с участием сторон на основе собранных и подтвержденных в ходе судебного разбирательства доказательств событие преступления, виновность лица в его совершении и назначенное ему наказание в виде реального лишения свободы, соответствующее характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, дают основание и для избрания при постановлении приговора указанной меры пресечения, чтобы обеспечить его исполнение, без проведения отдельной (самостоятельной, дополнительной) процедуры проверки фактических обстоятельств, с учетом которых судья принял такое решение³.

Как свидетельствует сложившаяся судебная практика, в таких случаях в отношении подсудимого, на которого не распространяются специальные ограничения, установленные в законе, суд избирает меру пресечения в виде заключения под стражу, расценивая вынесение приговора в качестве обстоятельства, определяющего возникновение достаточных оснований для ее применения⁴.

Мотивирование решения о мере пресечения

В силу п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть и оно имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

Приведенные положения закрепляют в качестве гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность положение, согласно которому каждый имеет право на освобождение не только в стадии рассмотрения дела судом первой инстанции, но и в любой другой его стадии, которое может ставиться в

зависимость от предоставления гарантий явки. Они в полной мере применимы к лицу, осужденному к лишению свободы, которое не было согласно с предъявленным ему обвинением и не находилось под стражей до вынесения приговора, поскольку велика вероятность апелляционного обжалования им такового, а значит – в ожидании судебного разбирательства предстать перед судом апелляционной инстанции, наделенным правом пересмотреть уголовное дело по существу.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Следовательно, решение об избрании заключения под стражу должно быть мотивировано судом. При этом, однако, его принятие не является обязательным.

Из этих же соображений исходит и Верховный Суд РФ, который в Постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [5] обращал внимание судов на то, что при вынесении обвинительного приговора суду первой инстанции в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ надлежит указать меру пресечения до вступления приговора в законную силу; это решение должно быть мотивировано в приговоре (п. 57). Каким образом должно быть выполнено требование о мотивировании этого решения, Пленум не разъяснил.

В соответствии с предписаниями ст. 15 УК РФ тяжесть преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется лицо, определяется размером наказания, которое может быть назначено в случае его осуждения и которое ему, возможно, придется отбывать. Принимая во внимание превентивный характер любой меры пресечения, применяемой к лицу, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, в том числе подсудимому или осужденному, приговор в отношении которого не вступил в законную силу, избрание этому лицу заключения под стражу в целях обеспечения исполнения приговора предполагает необходимость установления риска уклонения от его исполнения. Поэтому сформулированное в ст. 99 УПК РФ требование учитывать тяжесть преступления, до постановления приговора подразумевающее необходимость учета вероятности, а уже после вынесения обвинительного приговора – фактов осуждения и назначения наказания, следует рассматривать в качестве положения, преследующего цель – ее учета как обстоятельства, способного свидетельствовать о наличии риска уклонения от исполнения приговора.

Исходя из ч. 2 ст. 252 УПК РФ, согласно которой изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту, – подсудимый не может быть осужден за совершение более тяжкого преступления, обвинение в котором ему не было предъявлено на стадии предварительного

расследования. Ввиду того, что при постановлении обвинительного приговора тяжесть преступления, как подлежащее учету при решении вопроса о мере пресечения обстоятельство, может быть либо уменьшена, либо оставаться неизменной, нельзя утверждать, что осуждение подсудимого и назначение ему наказания в виде реального лишения свободы во всех случаях влечет за собой появление достаточных оснований для избрания заключения под стражу. Об этом может свидетельствовать только такой приговор, который вследствие повышения вероятности отбывания наказания за совершенное преступление существенно увеличивает риск уклонения от его исполнения, предоставляя суду единственно необходимый мотив для принятия решения об избрании этой меры пресечения в рассматриваемых нами случаях.

Между тем системы критериев, позволяющих применительно к обстоятельствам конкретного дела устанавливать влияние повышения такой вероятности на решимость подсудимого уклониться от исполнения приговора и тем самым дифференцированно подходить к решению вопроса о необходимости избрания в его отношении меры пресечения соответственно назначенному наказанию, не существует. Введение специального регулирования, о котором указано ранее, о наличии таковой не свидетельствует. Распределение граждан, принадлежащих к одной категории лиц, осужденных к отбыванию лишения свободы, на осужденных по «предпринимательским статьям», к отбыванию наказания в колонии-поселении и на всех остальных, которым оно назначено в иных видах исправительных учреждений, с тем чтобы применять в их отношении принципиально различные подходы к решению вопроса о необходимости избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения, объективного и разумного оправдания не находит. Иное позволяло бы утверждать, что все осужденные к отбыванию лишения свободы не в колонии-поселении и не относящиеся к числу лиц, перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, вне зависимости от назначенных им сроков отбывания наказания, видов исправительных учреждений и других значимых факторов – даже если они имеют постоянное место жительства на территории Российской Федерации, не нарушали меру пресечения и не уклонялись от следствия или суда – более склонны в связи с постановлением приговора изменить свое отношение в вопросе о том, уклоняться от назначенного наказания или нет, в пользу уклонения и заслуживают непременно заключения под стражу, а не применения к ним иной, более мягкой меры пресечения.

Непонятно, почему в схожих условиях «предприниматели» законом фактически признаются менее склонными к уклонению от отбывания назначенного им наказания, притом что они располагают для этого большими ресурсами и мотивацией. Неясно, в связи с чем осужденный к отбыванию лишения свободы в колонии-поселении сроком на шесть лет в силу закона находится в более привилегированном положении в сравнении с осужденным к отбыванию наказания сроком на шесть месяцев в колонии общего режима или даже на больший срок, если в его отношении, к

примеру, действует мера пресечения в виде домашнего ареста.

Применение в правовом регулировании такого подхода, по нашему мнению, означает нарушение вытекающих из Конституции РФ принципов справедливости, юридического равенства, гуманизма, соразмерности и правовой определенности, которые по своему существу относятся к основам конституционного правопорядка и являются обязательными для законодателя и правоприменительных органов. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что любая дифференциация правового регулирования, приводящая к различиям в правах и обязанностях субъектов права, должна осуществляться законодателем с соблюдением требований Конституции РФ, в том числе вытекающих из принципа равенства (ст. 19, чч. 1 и 2), в силу которого различия допустимы, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им. Соблюдение данного принципа означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания⁵.

Федеральный законодатель, по всей видимости, понимая проблему, существование которой обусловлено неконкретизированностью определяющих основания для избрания соответствующей назначенному наказанию меры пресечения нормативных положений, и намереваясь принять меры, направленные на гуманизацию уголовного процесса, не сумел разработать соответствующую систему критериев, применить которую было бы возможно ко всем лицам, входящим в категорию осужденных к отбыванию лишения свободы, и своими поправками в закон, вводящими специальное регулирование в отношении двух групп лиц из указанной категории, усугубил ситуацию.

Отсюда можно прийти к выводу о том, что положения ст. 97, 99 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ противоречат перечисленным конституционным принципам в той мере, в какой не устанавливают в отношении лиц, осужденных к отбыванию лишения свободы, общий запрет на применение при постановлении приговора заключения под стражу в качестве меры пресечения в случае отсутствия обстоятельств, свидетельствующих о том, что они не имеют постоянного места жительства на территории Российской Федерации, нарушили ранее избранную меру пресечения, уклонились от следствия или суда, и тем самым без разумного и объективного оправдания ставят одних лиц из указанной категории граждан, не перечисленных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ и ч. 4 ст. 75.1 УИК РФ и которые могут быть заключены под стражу, в заведомо неблагоприятное положение по отношению к оказавшимся в схожих ситуациях другим лицам из той же категории, которые в этих нормах приведены и подвергнуты этой мере пресечения быть не могут.

Каким образом требующее оценки повышение вероятности отбывания наказания отражается на изменении риска уклонения подсудимого от его исполне-

ния в конкретном деле, как определять изменение степени этого риска, в каких случаях при постановлении обвинительного приговора он становится реальным, а значит – способным вызвать появление достаточных оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и служить мотивом для принятия такого решения?

Удалившись в совещательную комнату после заслушивания последнего слова, суд должен разрешить эти вопросы. Однако ни один судья не находился на месте подсудимого, а потому не обладает соответствующими знаниями в силу собственного жизненного опыта. Официальные данные о случаях уклонения осужденных от отбывания наказания при оставлении их на свободе не систематизированы, не обобщены и даже не отражаются в статистической отчетности. Системы применимых в судебной практике критериев, позволяющих спрогнозировать и учесть поведение осужденного в будущем, наукой не выработано и, как было сказано, в законе не приведено. Действительно, постановление приговора способно привести к повышению риска уклонения от его исполнения. Но повышение вероятности отбывания наказания, которое может быть определено на основе статистических данных о вступлении в законную силу судебных решений, не может выступать в качестве достаточного критерия оценки этого риска. Признать изменение его степени позволяющим принять решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу только на основе данного критерия нельзя, поскольку иначе, вопреки конституционно-правовому смыслу института мер пресечения, исключалась бы необходимость учета других имеющих значение обстоятельств, в частности характеризующих личность лица, осуждаемого к отбыванию лишения свободы. Тем самым обеспечивалось бы не только действие презумпции недобросовестности подсудимого, но – при сложившихся в стране высоких показателях стабильности обвинительных приговоров – и презумпции их правосудности до вступления в законную силу, что вступало бы в явное противоречие с принципом презумпции невиновности.

Таким образом, ответить на указанные вопросы при помощи логических приемов обоснования суд не способен. De facto он в принципе не может объективно оценить постановление приговора в совокупности с иными обстоятельствами дела, с тем чтобы на основе внутреннего убеждения, с соблюдением предусмотренных законом правил оценки доказательств (ст. 17, 87 и 88 УПК РФ) сделать вывод о наличии существенного изменения риска уклонения подсудимого от исполнения наказания и мотивировать этим принятие решения о мере пресечения.

Почему же тогда на практике почти всегда принимается решение о заключении под стражу? Что побуждает суд поступать именно таким образом, каковы его истинные мотивы? Ведь, казалось бы, правовая неопределенность, как способный приводить в схожих ситуациях к различным правоприменительным решениям дефект нормы, должна исключать безальтернативное избрание судом этой меры пресечения. В

рассматриваемом же случае она, напротив, приводит к тому, что суды даже не делают попыток надлежаще мотивировать ее избрание в отношении подсудимого при назначении ему наказания в виде реального лишения свободы. Вышестоящие суды констатируют правильность подобных решений, вследствие чего понять, почему была избрана мера пресечения, причем в виде заключения под стражу, а не какая-либо иная, – невозможно.

По нашему мнению, парадоксальность этого явления объясняется следующим. В соответствии с законом суд вправе при постановлении приговора избрать или изменить подсудимому меру пресечения соответственно назначенному наказанию. Поскольку же в действительности суд лишен возможности определить и учесть изменение степени вероятности уклонения подсудимого от исполнения приговора в связи с его постановлением, а принять решение по вопросу меры пресечения до вступления приговора в законную силу он обязан, указанное право на практике воспринимается им в качестве полномочия, от реализации которого нельзя уклониться. При этом для суда, который не может расписаться в собственном бессилии и возразить законодателю, сформировать внутреннее убеждение по поводу решения о мере пресечения исходя из ее превентивного характера единственным рациональным способом, основанным на здравом смысле и за использование которого его трудно упрекнуть в применении произвольного подхода, является учет фактора вероятности отмены приговора. Так как при вынесении приговора суд приходит к выводу о невозможности исправления подсудимого без изоляции от общества, а вероятность отмены приговора мала, в условиях непримиримой борьбы с коррупцией этот фактор выходит на главное место. Его воздействие на суд дополняет невозможность пересмотра решения о мере пресечения вышестоящим судом отдельно от приговора (этот фактор рассмотрен в следующем параграфе, а другие нами исследовались ранее ⁶). В иной ситуации, когда решение по вопросу о мере пресечения, принимаемое при вынесении приговора, подлежало бы самостоятельному обжалованию и подвергалось риску отмены, а равно если бы приговоры чаще отменялись, это способствовало бы более внимательному рассмотрению данного вопроса, понижая значимость при его разрешении фактора стабильности приговоров.

Совокупность воздействующих на суд факторов, согласующихся с буквальным содержанием законоположения, определяющего в качестве цели избрания мер пресечения обеспечение исполнения приговора, настолько значима, что, по сути, полностью вытесняет собой необходимость реального учета изменения степени риска уклонения подсудимого от исполнения назначенного наказания, сводит на нет роль этого риска при решении вопроса об избрании меры пресечения, а потому – предопределяет применение заключения под стражу в обеспечительных, но не в превентивных целях.

Вряд ли когда-либо удастся получить официальные сведения в подтверждение того, что суды, при-

нимая решение об избрании данной меры пресечения при вынесении приговора, не учитывают указанный риск и не выясняют существенность его изменения, а руководствуются не имеющими отношения к возможности обструктивного поведения подсудимого соображениями о затруднениях при исполнении приговора, которые могут возникнуть после его вступления в законную силу. Но это так, и о применении такого подхода свидетельствуют полученные нами результаты анонимного анкетирования и интервьюирования судей⁷. Верховный Суд РФ по этому вопросу занимает неоднозначную позицию. В одних случаях он указывает, что для избрания судом при постановлении приговора соответствующей назначенному наказанию меры пресечения достаточно лишь того, что это решение принимается в целях обеспечения исполнения наказания. То есть мотив, которым должен руководствоваться суд, отождествляется с обеспечительной целью мер пресечения⁸. В других случаях он просто ссылается на то, что под обстоятельством, способным оказать на суд сдерживающее от применения заключения под стражу воздействие, следует понимать наличие данных о невозможности содержания осужденного в условиях следственного изолятора⁹.

Изложенное позволяет утверждать, что положения ст. 97, 99, ч. 1 ст. 108, ст. 255, п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, уполномочивающие суд одновременно с постановлением обвинительного приговора избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию в условиях отсутствия реальной возможности достоверно выявить изменения в результате постановления этого приговора степени вероятности уклонения подсудимого от его исполнения на основе объективной оценки обстоятельств конкретного дела, позволяют на практике избирать меру пресечения в виде заключения под стражу в случаях осуждения подсудимого к отбыванию лишения свободы исходя из предположения (презумпции) о существенном повышении такой вероятности либо вовсе без учета указанного обстоятельства.

Но неужели человек, до завершения рассмотрения своего уголовного дела в суде находившийся на свободе – поскольку к нему отнеслись благосклонно и в которого поверили – должен изменить свое отношение к вопросу явки в вышестоящий суд или к месту отбывания наказания только потому, что ему вынесли приговор? Почему он, заслуживший доверие, в один миг может это доверие утратить, причем не в силу своего поступка? Разве он не мог просто не явиться на провозглашение приговора и, узнав его результат, скрыться, но таким образом не поступил? Эти вопросы не требуют ответа. Некоторые, не сумев самим себе ответить на вопросы «чего это ты к нему проникаешь?» или «а кто потом будет за ним бегать?», вспоминают поговорку «Раньше сядешь – раньше выйдешь». Будут утверждать, что в следственном изоляторе за осужденным присмотрят и ему не удастся наложить на себя руки. Но нельзя забывать, что есть и другие случаи. Например, совсем недавно, когда подсудимый, понимая, что будет взят под

стражу в случае вынесения ему обвинительного приговора, пронес в суд пистолет и после провозглашения такового – застрелился (события произошли 12 февраля 2020 г. в Чертановском районном суде г. Москвы с Виктором Свиридовым, полковником милиции в отставке, который добивался оправдания, но был осужден к трем годам лишения свободы). Кто скажет, свел бы он счеты с жизнью по результатам апелляции или остался жив?

Если только признать, что пересмотр судом в связи с постановлением приговора собственной позиции, занимаемой по вопросу достаточности оснований для применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, ввиду указанных выше причин осуществляется недолжным образом, станет совершенно ясно – сложившаяся практика недопустима в правовом государстве, императивом которого является верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия, поскольку откровенно нарушает принципы презумпции невиновности и справедливости.

Размышления о возможных способах изменения положения приводят к мысли о том, что системы разумных и объективных критериев, обеспечивающей возможность применения дифференцированного подхода, выработано быть не может, да и дело-то, собственно, не в ней. Чтобы это понять, необходимо избавиться от формализма, свойственного позитивистскому подходу, и попытаться встать на позиции естественной справедливости. Для сравнения можно сказать, что странам Западной Европы, например, таким как Великобритания, Дания или Норвегия, рассматриваемая нами проблема вообще неизвестна. Осужденные к лишению свободы после вступления приговора в законную силу там самостоятельно следуют к месту исполнения наказания, порой предварительно месяцами ожидая своей очереди. Готово ли наше общество к подобным изменениям? Думается, что принятие в 2020 г. поправок в Конституцию РФ может подсказать ответ на этот вопрос. Как отмечается в юридической литературе, на современном этапе развития «стало назреть понимание настоятельной необходимости разрешения проблемы применения обоснованного, подтвержденного совокупностью фактических обстоятельств дела заключения под стражу на основании судебного решения» [7. С. 73]. Важно учитывать, что сам по себе приговор – до момента вступления в законную силу – нельзя рассматривать в качестве такого фактического обстоятельства¹⁰. По нашему убеждению, заключение под стражу при его постановлении – плохая традиция, от которой нужно избавляться. Во всяком случае, избрание этой меры пресечения недопустимо, если конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих необходимость ее применения вне зависимости от установления события преступления, виновности подсудимого в его совершении и назначения ему наказания, судом не выявлено.

Обжалование решения о мере пресечения

Для стадии предварительного расследования в отношении решений о заключении обвиняемого под

стражу и продлении сроков его действия в ч. 11 ст. 108 УПК РФ предусмотрен обеспечивающий соблюдение требований безотлагательности специальный порядок обжалования, согласно которому постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение трех суток со дня его вынесения, при этом суд апелляционной инстанции принимает решение по жалобе не позднее чем через трое суток со дня её поступления.

В соответствии с ч. 10 и 11 ст. 108, ч. 4 ст. 255 и ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ контроль принятия промежуточных судебных решений, связанных с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции до постановления приговора осуществляется судом апелляционной инстанции в таком же специальном порядке. В пункте 52 ранее указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 разъяснено, что сокращенные сроки подачи и рассмотрения апелляционных жалобы или представления на решения об избрании заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей распространяются и на случаи, когда они приняты после поступления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Конституционный Суд РФ ранее обращался к вопросам пересмотра вышестоящей судебной инстанцией в безотлагательном порядке решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении сроков ее применения. Из смысла Постановления от 2 июля 1998 г. № 20-П вытекает, что право обвиняемого на судебное разбирательство без неоправданной задержки в случае обжалования им судебного решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу может считаться обеспеченным при соблюдении трехсуточного срока пересмотра подобных решений вышестоящим судом. Это сохраняющее свою силу Постановление может быть распространено *mutatis mutandis* на правоотношения, возникающие в связи с апелляционным обжалованием решений об избрании судом при постановлении приговора заключения под стражу в качестве меры пресечения.

Вместе с тем такие решения в соответствии с требованиями п. 17 ч. 1 ст. 299, ч. 1 ст. 303, п. 5 ст. 307 и п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ становятся составной частью приговора. Как указал Конституционный Суд РФ, по смыслу положений Уголовно-процессуального кодекса РФ (ч. 11 ст. 108, ст. 255, ч. 2 и 3 ст. 389.2, 389.3 и 389.4), самостоятельному обжалованию и в сокращенный срок подачи и рассмотрения жалобы судебное решение, связанное с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, подлежит до вынесения приговора. Названная мера пресечения, избранная судом при постановлении приговора для обеспечения его исполнения и соответствующая по характеру ограничений назначенному наказанию, как часть этого процессуального решения, может быть обжалована в апелляционном порядке одновременно с приговором. Иное приводило бы к тому, что в апел-

ляционном порядке отдельно рассматривались бы взаимосвязанные вопросы законности, обоснованности и справедливости приговора, являющегося предметом судебного разбирательства в апелляционном порядке, а также его законности и обоснованности в части избрания при его постановлении меры пресечения в виде заключения под стражу, применяемой лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу. В системе уголовно-процессуального регулирования не предполагается бессрочное и не контролируемое судом содержание подсудимого под стражей по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, равно как и принятие вне надлежащей судебной процедуры соответствующего решения, которое может быть оспорено вместе с приговором¹¹.

Исходя из этой правовой позиции, можно предположить, что определяющее значение в вопросе допустимости отдельного от приговора самостоятельного апелляционного обжалования судебных решений имеет наличие либо отсутствие взаимосвязи между приговором как решением по существу уголовного дела и решением, которое оспаривается отдельно от приговора. Если такая взаимосвязь усматривается, решение может быть проверено лишь вместе с приговором. При этом неважно, является это решение частью приговора или же оно вынесено в виде отдельного постановления (определения) одновременно с приговором либо после его вынесения.

На завершающем этапе производства в суде первой инстанции, следующем за разрешением уголовного дела по существу, может возникнуть необходимость в принятии судебных решений по вопросам, затрагивающим права и интересы участников уголовного судопроизводства, входящим в предмет уголовно-процессуального регулирования по данному делу, но оставшимся неразрешенными, поскольку в силу буквального содержания ч. 1 ст. 299 и ст. 313 УПК РФ они не относятся к таким, на которые суд отвечает при вынесении приговора или одновременно с ним.

Такие вопросы, по смыслу ст. 119 УПК РФ, могут быть разрешены судом, постановившим приговор и в производстве которого продолжает находиться уголовное дело, на основании соответствующего ходатайства, заявленного осужденным, его защитником, государственным обвинителем, потерпевшим, его представителем и иным лицом, права и законные интересы которых затронуты в ходе досудебного или судебного производства, для обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство, либо представляемого им лица. Согласно же ст. 122 УПК РФ судебное решение, принятое по этому ходатайству, может быть обжаловано в апелляционном порядке, но с учетом особенностей, предусмотренных для обжалования промежуточных судебных решений.

Однако, с нашей точки зрения, правовой подход Конституционного Суда РФ, при его понимании в качестве не допускающего самостоятельное обжалование взаимосвязанных с приговором судебных решений ни при каких обстоятельствах, – нельзя при-

знать бесспорным. Если невозможность самостоятельного оспаривания их обоснованности серьезных вопросов не вызывает, то абсолютный запрет обжалования тех же решений в аспекте законности нуждается в корректировке.

Необходимо различать как минимум два вида такого обжалования: когда стороной оспаривается соблюдение процедуры их принятия или когда оспаривается наличие правовых оснований для их вынесения. Однако и в том и в другом случае, если в жалобах или представлениях имеются ссылки на нарушения, не связанные с приговором как итоговым решением по существу дела, для рассмотрения таких доводов отдельно от обжалования приговора объективных препятствий не существует.

Таким образом, самостоятельное апелляционное обжалование законности принятых судом одновременно с приговором решений (например, по вопросам применения обеспечительных мер, передачи несовершеннолетних детей осужденного на попечение иных лиц и т.п.), хотя и находящихся в определенной взаимосвязи с приговором, но оспариваемых в аспекте нарушения процедуры их принятия, а также отсутствия достаточных правовых оснований для их вынесения, является допустимым и до момента пересмотра приговора в апелляционном порядке в целом отдельно от него и в сокращенный срок, если промедление в защите предположительно нарушенных конституционных прав ставит под сомнение саму возможность их восстановления в будущем и, следовательно, делает срок рассмотрения дела в этой части неразумным.

Представим себе, что в нарушение требований закона о необходимости немедленного освобождения подсудимого из-под стражи в случае его осуждения к наказанию, не связанному с лишением свободы, судом одновременно с вынесением приговора принято решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о ее сохранении. Исходя из буквального содержания сформулированной Конституционным Судом РФ правовой позиции, она верна постольку, поскольку мера пресечения в виде заключения под стражу применяется лишь при назначении в качестве наказания лишения свободы и только на срок до вступления приговора в законную силу. Но как быть, если эти условия судом не были соблюдены или же решение по вопросу о мере пресечения было мотивировано откровенно произвольно (либо вовсе не было мотивировано)? Разумный ответ на вопрос, почему в таких случаях нельзя обжаловать решение суда по вопросу о мере пресечения отдельно от приговора, найти не получится.

Между тем в правоприменительной практике приведенная правовая позиция Конституционного Суда РФ, при внимательном изучении которой кто-то может усмотреть даже признаки софистики, воспринята так, будто обжалование в вышестоящий суд принятого при вынесении приговора решения об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу в предусмотренном законом специальном порядке запрещено¹².

В связи с тем что конституционные гарантии от произвольного или избыточного ограничения свободы и личной неприкосновенности должны обеспечиваться на любом этапе уголовного судопроизводства, а возможность самостоятельного обжалования решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу исключена, – реализация права подсудимого на обжалование такого решения в безотлагательном порядке должна быть обеспечена в общем порядке апелляционного обжалования приговора в целом.

Однако добиться этого нельзя. Учитывая предусмотренный ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ общий срок апелляционного обжалования, запрет на истребование уголовного дела в течение этого срока из суда первой инстанции (ч. 2 ст. 389.4 УПК РФ) и возможность направления уголовного дела в вышестоящий суд только после его истечения (ч. 2 ст. 389.8 УПК РФ), рассмотрение уголовного дела в апелляционном порядке не может быть начато ранее десяти суток с момента постановления приговора. Законом не установлены сроки пересылки уголовного дела в суд вышестоящей инстанции. Не предусмотрен срок, в который должно быть завершено рассмотрение этого дела. Поэтому на практике суд апелляционной инстанции не ранее чем через два-три месяца с момента вынесения приговора лишь приступает к рассмотрению уголовного дела. Бывает и так, что время, проведенное под стражей на основании не вступившего в законную силу приговора, исчисляется годами¹³.

Совокупность перечисленных обстоятельств представляет собой ограничение права на судебную защиту, которое не может обуславливаться целями, перечисленными в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

При этом какими-либо средствами защиты нарушенных прав, которые бы могли считаться эффективными, сторона защиты не располагает. Проверка решения о заключении под стражу при пересмотре приговора в целом в общем порядке апелляционного обжалования является бессмысленной, поскольку интерес обвиняемого как раз и заключается в нахождении

на свободе до пересмотра приговора. Нельзя отнести к таким средствам защиты возможность заявить ходатайство об отмене или изменении этой меры пресечения до передачи уголовного дела в суд апелляционной инстанции, поскольку вряд ли разумно ожидать от суда отмены принятого им самим решения, а правом истребовать дело вышестоящий суд не располагает. Пересмотр решения об избрании заключения под стражу отдельно от приговора и восстановление нарушенных прав исключены и после поступления уголовного дела в вышестоящий суд, так как при отсутствии новых, не известных суду на момент постановления приговора обстоятельств наличие оснований для содержания осужденного под стражей подразумевалось бы.

Можно сделать вывод о том, что положения ч. 11 ст. 108, ст. 255, п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 ч. 1 ст. 308, ч. 2 и 3 ст. 389.2, ст. 389.3 и 389.4 УПК РФ в той мере, в какой, предусматривая, что осужденный вправе обжаловать в апелляционном порядке принятое при постановлении приговора решение об избрании в его отношении меры пресечения в виде заключения под стражу только одновременно с приговором, не позволяют суду учесть специфику такого обжалования по основаниям, не требующим проверки приговора в апелляционном порядке по взаимосвязанным вопросам его законности, обоснованности и справедливости, а также законности и обоснованности в части избрания меры пресечения, и в случаях, когда апелляционная жалоба содержит соответствующие указанные основания доводы, рассмотреть их по существу в процедуре отдельного от приговора в целом апелляционного обжалования, – произвольно препятствуют возможности эффективной реализации осужденным права на безотлагательную проверку судом решения о заключении под стражу и тем самым ограничивают его право на судебную защиту.

Выявленные дефекты правового регулирования могут быть устранены как путем внесения изменений в действующее законодательство, так и посредством осуществления конституционного судопроизводства.

Примечания

¹ Предложения СПЧ по вопросам изменения меры пресечения подсудимому, а также ответы и отзывы правоохранительных органов и Верховного Суда РФ. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/592/#doc-1> (дата обращения: 09.04.2021).

² См. подробнее: [3, 4].

³ Определения Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 653-О, от 27 сентября 2019 г. № 2275-О и от 28 мая 2020 г. № 1310-О.

⁴ См., например: приговор Ленинградского районного суда г. Калининграда от 18 июля 2017 г. по делу № 1-9/2017; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Калининградского областного суда от 13 декабря 2017 г. по делу № 22-1274/2017; Постановление судьи Верховного Суда РФ от 25 мая 2018 г. по делу № 71-УК18-45.

⁵ Постановления Конституционного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 32-П и от 26 марта 2020 г. № 13-П.

⁶ См.: [6].

⁷ Анкетирование 13 судей показало: 53% опрошенных отрицательно относятся к возможности неприменения заключения под стражу при вынесении приговора; 58% находят его неприменение при осуждении к реальному лишению свободы свидетельством противоречивости приговора; 62% указали на предерженность заключения под стражу наказанием вне зависимости от фактора уклонения; 69% высказались о возможности возникновения затруднений при исполнении приговора в случае неприменения этой меры пресечения, треть из них назвала их причиной вероятности обструктивного поведения, никто не высказался о повышении степени вероятности такового.

⁸ Допускается запрещенная в логике подмена тезиса (лат. *ignoratio elenchi*). См., например, Постановление судьи Верховного Суда РФ от 24 марта 2021 г. по делу № 71-УК21-14-КЗ.

⁹ См., например, письмо заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 18 марта 2021 г. по делу № 71-УК20-104-КЗ.

¹⁰ Иначе во избежание нарушения права на защиту подсудимому после постановления приговора следовало бы обеспечить возможность высказаться по вопросу о необходимости избрания в его отношении меры пресечения соответственно назначенному наказанию и представить доказательства в подтверждение своей позиции – до принятия судом решения об этом (см. подробнее: [8. С. 13]).

¹¹ Определения Конституционного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 862-О и от 26 ноября 2018 г. № 2869-О.

¹² См., например: Постановление судьи Калининградского областного суда от 28 июля 2017 г. по делу № 22-1035/2017; Постановление судьи Верховного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. по делу № 71-УКС17-207.

¹³ См., например, уголовное дело № 1-10/2020, рассмотренное 2-м Западным окружным военным судом, приговор по которому вынесен в апреле 2020 г., в суд апелляционной инстанции уголовное дело не направляется более года (карточка дела – https://2zovs-msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=case&case_id=953237&case_uid=6c10ca77-4bc7-4f45-8740-e659afcc49d6_&delo_id=1540006).

Список источников

1. Дикарев И.С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // Мировой судья. 2008. № 11. С. 23–25.
2. Калининский К.Б. Законность применения меры пресечения в целях исполнения приговора в российском уголовном процессе // Обеспечение законности в российском уголовном судопроизводстве : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 7–8 дек. 2006 г.) МГУ им. Н.П. Огарева, Мордовский гуманитарный институт; [ред. кол.: Л.Д. Калинкина (отв. ред.), Н.Р. Мухудинова, О.А. Сухова]. Саранск : Мордов. Кн. изд-во, 2006. С. 192–195.
3. Качалова О.В., Качалов В.И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления : учеб.-метод. материалы, подгот. в рамках программы сотрудничества Совета Европы и Российской Федерации. М. : Деловой стиль, 2019.
4. Загорский Г.И., Кобзарев Ф.М., Шалумов М.С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 42–50.
5. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.
6. Филатьев В.А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 124–132.
7. Давыдов В.А., Качалова О.В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78.
8. Андреева О.И., Зайцев О.А. О праве обвиняемого самостоятельно защищаться от уголовного преследования и пределах его ограничения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 5–18.

References

1. Dikarev, I.S. (2008) Razreshenie sudom voprosa o mere presecheniya pri postanovlenii prigovora [The court's resolution of the question of the measure of restraint when passing a sentence]. *Mirovoy sud'ya*. 11. pp. 23–25.
2. Kalinovskiy, K.B. (2006) [Legality of the use of a preventive measure in order to execute a sentence in the Russian criminal process]. *Obespechenie zakonnosti v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Ensuring Legality in the Russian Criminal Proceedings]. Proceedings of the International Conference. Saransk. 7–8 December 2006. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 192–195. (In Russian).
3. Kachalova, O.V. & Kachalov, V.I. (2019) *Zaklyuchenie pod strazhu v kachestve mery presecheniya: obosnovannost' primeneniya i prodleniya: ucheb.-metod. materialy, podgotovlennye v ramkakh programmy sotrudnichestva Soveta Evropy i Rossiyskoy Federatsii* [Detention as a Preventive Measure: Validity of application and extension : studies.- method. materials prepared within the framework of the cooperation program of the Council of Europe and the Russian Federation]. Moscow: Delovoy stil'.
4. Zagorskiy, G.I., Kobzarev, F.M. & Shalumov, M.S. (2020) The use of remand in custody and periods of detention: some theoretical and legal issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 38. pp. 42–50. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/38/5
5. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2014) O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu, domashnego aresta i zaloga: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 19 dekabrya 2013 g. № 41 [On the practice of court application of legislation on preventive measures in the form of detention, house arrest and bail: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41 of December 19, 2013]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.
6. Filat'ev, V.A. (2020) Remand in custody as part of a sentence: problem of determination. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava Actual Problems of Russian Law*. 1. pp. 124–132. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132
7. Davydov, V.A. & Kachalova, O.V. (2018) Current trends of development of the Russian criminal legal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 69–78. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/6
8. Andreeva, O.I. & Zaitsev, O.A. (2019) On the right of the accused to defend themselves against criminal prosecution and its restrictions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 32. pp. 5–18. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/32/1

Информация об авторе:

Филатьев В.А. – аспирант Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия); адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро «Филатьев, Уваров и партнеры» (Калининград, Россия). E-mail: vlad_filatyev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Filatyev, postgraduate student, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation); lawyer, managing partner, Filatyev, Uvarov, and Partners Law Office (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: vlad_filatyev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2021;
одобрена после рецензирования 10.08.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 21.03.2021;
approved after reviewing 10.08.2021; accepted for publication 28.03.2022.